Сколько много всего!..

Борис Петрович Екимов

SHOUT
SHARE
IT

- Борис ЕКИМОВ

Борис ЕКИМОВ
Сколько много всего!...

МИНУВШИМ летом для маленького Мити наш старый дом, а точнее — усадьба, был местом очень приманчивым.

— Пиехали… — просил он. — Огоёд пиливать… Шлянг, пиливальник… Пиехали…

По прибытии он первым делом проверяет, всё ли на месте: цветы, грядки, деревья.

— Питуньи! — указывает он пальцем. — Бахотки! Омашки! — и вовсе трудное. — Иагины…

Все на месте: георгины, ромашки, бархотки. Все цветет и пахнет, радуя и меня, старого, и малого Митю.

Наступает черед огорода.

— Огуйцы! Бакажаны! Помидои! — и здесь, слава богу, ничего не пропало. — Мойковка. Люк. Укёп… Будем кусать! — и почему-то изо дня в день первыми проверяет на вкус именно перья лука, веточки укропа; рвет их, жует, морщится, сообщает: — Гойкий… — но все равно глотает. И тут же закусывает хрустким огурчиком. — Са-адкий…

Потом обходим дозором кусты и деревья.

— Висенка! Абикосы! — обходим, клюем там и здесь, вольные птахи. — Смоёдина! Си-ивы! Сколько много всего! — Малыш не может сдержать радости. — Сколько много…

И вправду ведь много, хотя в нынешние времена старый дом и его усадьбу с былым не сравнить. Где наш виноградник? Где малинник? Где гряды пахучей клубники? И яблони когда-то были всех сортов от ранних «бели», «яндыковки» до нежного розовощекого «бельфлера», поздних «симиренко», приглядного темно-красного «старкена», который радует глаз до ноябрьских заморозков, а потом прячется в погреб; на всю зиму запас, до новых яблок.

— Богатая усадьба, — со вздохом позавидовал один из гостей моих — человек поживший.

Богатая… Нынче — лишь одиннадцать соток земли, прежде было почти двадцать. Пятаячасть гектара. Сто метров длиною и двадцать шириной. Считай, футбольное поле, которое нужно с ранней весны до поздней осени копать, рыхлить, полоть, поливать — словом, работать и работать. Лопата, мотыга, грабли, ведра, поливальник, главное — руки.

Глядя на нынешний наш огород, в котором, как, удивляется маленький Митя: «Сколько много всего!», глядя на сегодняшнее, я лишь вздыхаю. Конечно, растет кое-что: картошка, огурцы, помидоры, баклажаны, перец и прочая зелень, занимая лишь малую часть земли, а остальное — трава, которую я за лето дважды выкашиваю. Корову можно прокормить.

Трудно поверить, но в прежние времена здесь не было и единой сорной травинки. Зелень для кур, лебеду да крапиву искали за двором. Для кроликов — в степи да логу. А в огородах

— лишь аккуратные грядки и грядки, лунки да борозды, ряды и ряды помидоров, капусты, картофеля, свеклы, редьки, лука, моркови и прочего. Так было у всех в нашем поселке во времена послевоенные и много позже. Иначе не проживешь. Зарплаты — маленькие, лишь на хлеб-соль да наготу прикрыть. Кормились от огородов, на которых работали всей семьей, стар и млад, зная твердо, что лишь полные погреб да подпол, их закрома да бочки — главная надежда. Хлебные «карточки» ли, продуктовые «талоны» могут в любой день «отменить», зарплату, пенсию «задержать» на месяц, другой, третий или выдать бумажками какого-нибудь «государственного займа». Картошка, капуста да свекла, коли есть они, с голода не дадут помереть.

Недаром, когда соседка наша баба Поля выживала из ума, она летней порой, из последних стариковских сил, день напролет крутила и крутила колесо тяжелого колодезного насоса. Не слушала ни родных, ни соседей и твердила свое: «Все посохнет… Зима придет, чем будем жить. Ребятишки с голода попухнут… Помрут ребятишки…»

Да и только ли она. Другой сосед — Кузьмич — в картофельной борозде не раз падал, теряя сознание. Приходил в себя, отдыхивался и снова — за лопату. Нужды уже не было, но оставалась привычка. Покойная тетушка моя, после инсульта, твердила и твердила: «Хочу работать… Чего вы лопату хороните? Я работать хочу».

Привычка? А может быть, это просто жизнь с землей породненная.

Нынче времена иные. Перед гостями хвалятся убранством дома, мебелью, паркетом ли, кафелем. Вспоминаю, что в старые годы по теплому времени гости нашего дома прямиком от калитки сразу шли в огород со словами: «Как у вас там?..» Начинался долгий обход и осмотр грядок и лунок, в свою пору — зелени, цвета, плодов. Разговоры о рассаде, поливе: какой водой да когда… Да чем удобрить, да как рыхлить… Разговоры долгие и душевные словно о живом, родном. Да оно и есть — живое, родное: дышит, растет, все понимает.

— Эти помидоры поздно посеяла, прямиком в землю и сказала им: «Хотите — растите, а не хотите — господь с вами… У меня рук не хватает». Пошли… Да такие славные…

Гости бывают нечасто: по выходным да в праздники. По будням всякий день навещают соседи. Тетка Паня идет через огородную калитку, издали шумит:

— Ваша капуста — на завид: сытенькая, пузатенькая! А моя — дзыбастая, наперегон с подсолнухом. Глядеть, гребостно. А ведь я ей угождала: навозом, золой, куриным пометом! И какого

ей черта надо? Подергать, выкинуть курям и спокойночко спать!

Но не подергает, не выкинет, а будет с нею кохаться. И дело уже не в нужде и бедности. Пришли времена иные. По осени можно было купить капусту, помидоры и прочее за копейки. Но держались за свое: из года в год по-прежнему копали, сажали да сеяли, поливали — труд нелегкий, особенно при нашей жаре. Старели, теряя былые силы. «С каждым годом вроде все больше и больше земли становится», — раздумчиво сообщал сосед мой Кузьмич.

Слов нет, усадьба, сад, огород — труд немалый и тяжкий. Десять соток да пятнадцать соток… Лопата, мотыга, грабли, колодец, ведро и руки. Дважды ли, трижды за день надо колодец выбрать. По весне да молодому лету комарье да мошка поедом едят. Спасались дымарями-«курушками», лицо прикрывали сетками, смоченными в керосине. Терпи, казак…

Но еще помнится… И это ведь было! Теплый апрельский ли, майский день, солнечный, ясный. Пахучая земля, терпкий весенний ветер. Голосистые скворцы заливаются на жердочках возле скворешен. И в нашем дворе, и в соседских. Щебечут ласточки, лепят гнезда в коровнике да под застрехами дома. Гомонят воробьи. Вольная воля после долгой зимы. И огородная работа вовсе не в тяжесть, а в охотку. Копаешь, гребешь, убираешь, потом оглядишься, порадуешься: аккуратные грядки да борозды, приствольные круги, лунки. Это — лишь начало, еще много пустой земли, но успеем. Устаешь с непривычки, но все равно хорошо. В желтом вечернем свете дня уходящего взрыхленная, забороненная земля словно бы дышит легко и терпко. Что ни говори, а весна — пора золотая. Потом придет молодое зеленое лето. Тоже — радость. Первые огурцы, розовые вишни, золотистые абрикосы — «сколько много всего!..»

Все это было. Но поросло не только быльем, но травой — в колено. Другие времена, другие люди. Мои молодые хозяева хоть и с ворчаньем, но кое-что сажают, растят: «Сколько много всего!» Но большую часть усадьбы я выкашиваю.

На соседних подворьях — нашего хуже. Там — квартиранты живут или новые люди, но прок один.

Все долгое лето ходил по затравевшему огороду молодой переселенец Саша из Самарканда, чесал в затылке и вслух размышлял:

— Бомжей нанять за пол-литру, они вскопают, посадят, вот и будет на зиму картошка. А может, бычка купить? Пусть пасется, а потом зарежем, будет мясо…

У других соседей — тоже молодых и бедствующих — переселенцев играет по весне кровь. Они копают свой

огородишко, даже нанимали махонькую «тарахтелку», которая землю пашет. Что-то сажают. Но быстро остывают. Огород зарастает травой. По осени жалуются: «Земля плохая». Рядом у них — советчик, Иван Александрович, старый хуторянин, у него огород — картинка. Поначалу он подсказывал да советовал: «Тах-то вот надо… И тах-то вот…» Но потом все понял и лишь горестно вздыхал, глядя, как у молодых соседей посаженное сохнет, кукожится и полоняет огород пустая трава; он вздыхал да у меня порой спрашивал: «Это чего ж такое? Молодые, здоровые… и бабка у них еще не старая. Пять лбов… И только музыка да телевизор». «Значит, не припёрло», — отвечаю я. — «Да как же не приперло? Жалятся: жить не на что». — «Нет, значит не припёрло», — стою на своем, потому что помню прежнюю жизнь, свои годы детские, молодые. А еще недавнее, огда жили в соседстве, так же квартируя, русские беженцы из Чечни. Нынешние, из Средней Азии, приезжают, на старом месте что-то продав, даже порою мебель оттуда привозят в контейнерах. Русские из Чечни бежали голяком, все оставив, лишь себя да детей спасая. Такие вот бедолаги у тетки Фроси, в малой кухонке поселились через забор от меня. Муж, жена и две дочери: школьница и студентка. Обезножевшая тетка Фрося отдала квартирантам свой уже запущенный огород: целых восемнадцать соток заросшей бурьяном земли. И они не стонали, не жаловались, но с ранней весны вгрызлись в эту землю. Работали вечерами, по ночам да в редкие выходные, потому что глава семьи, бывший инженер, по двенадцать часов на стройке ишачил, в тридцати километрах от поселка, хозяйка — медсестра, старалась в больнице побольше «смен» набрать. Но всё успевали, и в первое же лето соседский огород ожил, поднялся, словно вскипел и запенился радугой цвета, плодов. Водопад алых и желтых помидоров, на шпалерах, в человеческий рост, россыпи сизых баклажанов, багровых перцев, лук, чеснок, плетучая фасоль, кабачки, головастая капуста и, конечно, картошка — рябило в глазах от плодов и цвета. Вот там было и впрямь: «Сколько много всего!» Потом они переехали, сумели устроить свое жилье и житье. Пришли люди новые, молодые, не квартиранты, а уже — хозяева. И снова — «земля плохая». Крапива да чистотел — почти в рост. Слышу, как на робкие укоры жены отвечает ее крепкотелый и рослый супруг: «Я — не лошадь!» Он ведь и вправду не лошадь, и порой, оглядывая просторный пустой огород, вслух размышляет: «Бомжей бы каких-нибудь нанять за пол-литру. Пусть копаются». — «Или бычка завести», — подсказываю я. Молодой сосед соглашается: «Правильно. Привязать, пусть жрет. А потом зарежем».

Еще одни новые молодые соседи наполняют водой огромный бак для воды и, вернувшись домой после работы, сидят в нем, прохлаждаясь, с бутылками пива.

И ведь все они — народ не больно богатый. А переселенцы из Средней Азии — те и вовсе: оформляют наше гражданство, ищут работу, которой в поселке не враз и сыщешь. На копейки живут. Но вот «земля плохая». И не только у них. Мои молодые хозяева порой такую же песню поют: «Земля плохая». А я им под нос сую старую фотографию, где они — еще малыми ребятишками помогают мне картошку копать: ядреную, в кулак.

Никого я особо не корю: другие времена пришли, стало легче жить. Можно, вернувшись с работы, на крылечке сидеть, включив громкую музыку, не боясь, что придется зимою от голода пухнуть. Это — хорошо. Наверное, только у нас, людей старых, с долгой, порою горькой, памятью, осталась в душе благодарность к той земле, которая не дала умереть. В далекой казахской пустыне или здесь, возле старого дома, из которого нынче пришлось мне уйти к другому подворью. Пришли туда осенью. Усадьба тоже большая. Но травы, бурьяну всякого — в пояс. Молодые мои помощники тут же сообразили: «Надо бомжей найти, заплатить, и они все повыдирают». Я посмеялся, свое предложил: «Может, бычка купим?» Меня со вздохом, но поняли. Помаленьку траву убрали и даже успели посадить смородину, яблоньку, тюльпаны.

Теперь ждем весны. Маленький Митя порой говорит: «Будет лето, тепло. Будет огоёд. Там будут огуйцы, помидои, мойковка, свекла, — он все помнит, перечисляет старательно. — Бакляжаны, люк, кабачки, укёп, яблоки, смоёдина, вишенка, сливы, гюши… — его заносит все выше в сладких грезах, он поет и поет. — Абикосы, пейсики, омашки, бахотки… Сколько много всего!» — заключает он радостно.

Соглашаюсь с ним. Старый — что малый. Тем более что речь о нашем огороде: пядь земли, но родной, под высоким просторным небом.